

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.18522/2070-1403-2022-91-2-41-46

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

© *Татьяна Евгеньевна Иванова*

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

tyan_shan@mail.ru

Аннотация. Изучаются коммуникативно-прагматические характеристики профессиональной языковой личности искусствоведа. Установлено, что в искусствоведческом дискурсе для объективации профессионального образа мира продуцент прибегает к профессиональной терминологии, которая репрезентирована в микро- и макроконтестах. Профессиональная языковая личность реализует свой прагматический и мотивационный потенциал, прежде всего, в оценочности и субъективной модальности, характеризующихся разноуровневым дискурсивным манифестированием. Структура профессиональной языковой личности на основании модели языковой личности, предложенной Ю.Н. Карауловым, приобретает трансформированный вид с учетом коммуникативной компетентности такой личности и мотивационного уровня, подразумевающего цели, интенции, мотивы и установки, которыми искусствовед руководствуется в своей практической и речемыслительной деятельности. В ходе исследования также определено, что приоритетными для искусствоведческого дискурса являются стратегии авторитета, оценочности, деконструкции целого, приоритетного восприятия, ассоциативно-расширенного восприятия, моделирования ситуации восприятия, зачастую выступающие в синтезе и нерасторжимом единстве. Комплекс приоритетных стратегий, реализуемых профессиональной языковой личностью в искусствоведческом дискурсе, а также оценочность и субъективная модальность непротиворечиво свидетельствуют об антропоцентризме этого дискурса, профессионального и институционального по своему характеру.

Ключевые слова: прагматика, профессиональная языковая личность, искусствоведческий дискурс, коммуникативная компетентность, мотивационный уровень.

Для цитирования: Иванова Т.Е. Коммуникативно-прагматические характеристики профессиональной языковой личности в искусствоведческом дискурсе // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 91. № 2. С. 41-46. doi: 10.18522/2070-1403-2022-91-2-41-46

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

Communicative-pragmatic characteristics of professional language personality in art discourse

© *Tatyana E. Ivanova*

Adyghe state university, Maykop, Russian Federation

tyan_shan@mail.ru

Abstract. It is considered the communicative and pragmatic characteristics of the professional language personality of an art historian. It has been established that in the art history discourse, in order to objectify the professional image of the world, the producer resorts to professional terminology, which is represented in micro and macro contexts. A professional linguistic personality realizes its pragmatic and motivational potential, first of all, in evaluation and subjective modality, characterized by multi-level discursive manifestation. The structure of a professional linguistic personality based on the model of a linguistic personality proposed by Yu.N. Karaulov, takes on a transformed form, taking into account the communicative competence of such a person and the motivational level, which implies the goals, intentions, motives and attitudes that the art historian is guided by in his practical and speech-thinking activities. The study also determined that the strategies of authority, appraisal, deconstruction of the whole, priority perception, associative-expanded perception, modeling

of the situation of perception, often acting in synthesis and indissoluble unity, are priorities for the art history discourse. The set of priority strategies implemented by a professional linguistic personality in art history discourse, as well as evaluative and subjective modality, consistently testify to the anthropocentrism of this discourse, professional and institutional in nature.

Key words: pragmatics, professional language personality, art history discourse, communicative competence, motivational level.

For citation: Tatyana E. Ivanova Communicative-pragmatic characteristics of professional language personality in art discourse. *The Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 91. No 2. P. 41-46. doi: 10.18522/2070-1403-2022-91-2-41-46

Введение

Профессиональная языковая личность как важная составляющая понятия языковой личности представляет собой актуальный объект исследования в современной гуманитарной парадигме. Представление о ней основано на понимании специфического образа мира как важного компонента ее целостности, при этом совершенно очевидно, что такая профессиональная личность реализует особые коммуникативные стратегии в своей деятельности, что является следствием ее прагматической ориентированности. Лабильность границ языковой личности как объекта исследования лингвистики обуславливается, прежде всего, расширяющейся сферой междисциплинарных изысканий, в том числе, ставящих в центр исследования homo loquens – «человека говорящего». Нельзя в этой связи не отметить, что коммуникативно-прагматические характеристики такой личности напрямую связаны с изучением мотивационных механизмов профессиональной коммуникации и, как следствие, включением в сферу активных исследований современной лингвистикой профессиональной картины мира в целом и отдельных ее сегментов, обуславливаемых в своем существовании наличием специализированных областей знания.

Необходимо особо подчеркнуть значимость работ в сфере лингвоперсонологии, которая активно развивается в последние два десятилетия [1; 5]. Это направление в науке о языке сосредоточено на комплексном изучении человека в языке, его гендерных, профессиональных, ментально-психологических языковых особенностях. Сложность выяснения коммуникативно-прагматических характеристик профессиональной языковой личности в координатах данного направления обуславливается недостаточной определенностью терминологии и методологических установок, однако модель языковой личности, предложенная Ю.Н. Карауловым [2], представляется в настоящий момент эвристически перспективной, образуя необходимую основу для разработки частных лингвоперсонологических концепций.

Рассмотрение коммуникативно-прагматических характеристик профессиональной языковой личности искусствоведа осуществляется нами на материале фундаментального труда Г.Ю. Стернина «Художественная жизнь России 30-40-х годов XIX века» [6]. К материалу комплексно применялись различные методы исследования, ведущими среди которых стали индуктивно-дедуктивный и сравнительно-сопоставительный методы, а также метод лингвистического моделирования, методы анализа и синтеза.

Обсуждение

Отправной точкой в изучении языковой личности Ю.Н. Караулов считает интеллектуальные аспекты ее разноплановой деятельности, тем самым, выдвигая на первый план когнитивные характеристики человека: «Интеллект наиболее интенсивно проявляется в языке и используется через язык. На уровне ординарной языковой семантики, на уровне смысловых связей слов, их сочетаний и лексико-семантических отношений еще нет возможностей для проявления индивидуальности...» [2, с. 36]. При этом необходимо особо подчеркнуть, что вслед за Ю.Н. Карауловым лингвисты трактуют языковую личность как синтез ее способностей и специфики текстов как результата ее речемыслительной деятельности: «Языковая личность – это совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих восприятие и создание им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, опре-

деленной целевой направленностью» [3, с. 5]. Этот тезис является в нашей исследовательской концепции основным, поскольку позволяет рассматривать профессиональную языковую личность в нескольких ключевых аспектах: в собственно лингвистическом, социальном и психологическом, а также в деятельностном.

Мы согласны с В.С. Мыскиным в том, что профессиональная языковая личность – это «совокупность языковых компетенций, обуславливающих восприятие и оперирование профессиональными дискурсами в различных ситуациях профессионально-коммуникативного взаимодействия с учетом ролевых требований профессии, а также целей профессиональной деятельности» [4, с. 91]. Изучение профессиональной языковой личности опирается на выявление в ее структуре трех уровней, по Ю.Н. Караулову: 1) вербально-семантического (структурно-языкового), который отражает степень владения носителем естественным обыденным языком; 2) лингво-когнитивного, который состоит из понятий, идей, концептов, образующих уникальную для каждого, отражающую иерархию ценностей «картину мира»; 3) прагматического (мотивационного), предполагающего цели, мотивы, интересы, установки и интенции языковой личности, которые «обеспечивают закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире» [2, с. 3-8].

Структура профессиональной языковой личности включает коммуникативно-компетентностный, лингвокогнитивный и мотивационный уровни, что обуславливается самим ее становлением: так, языковая (коммуникативная) компетентность рассматривается современной лингвистикой как такая категория, которая принадлежит сфере корреляций знаний и профессиональной деятельности человека. Неслучайно введение в структуру профессиональной языковой личности коммуникативной компетентности, поскольку она позволяет успешно осуществлять профессиональное общение, формируя и институциональность конкретного профессионального дискурса. Таким образом, коммуникативно-компетентностный уровень включает цели и задачи профессиональной деятельности, реализуемые в соответствии с приобретенными языковой личностью специальными знаниями, умениями и навыками. Лингвокогнитивный уровень в своей реализации опирается на тот специальный лексикон, который свойственен профессиональной языковой личности в ее принадлежности к отдельной профессиональной группе. Коммуникативно-компетентностный уровень оказывает влияние и на мотивационный уровень профессиональной языковой личности: система побудительных факторов в определенной степени детерминирует «пристрастность» языкового сознания такой личности, а также ее оценочность и субъективную модальность в осмыслении объективной реальности.

Дискурс профессиональной языковой личности, по М. Фуко, является неким тематическим единством: с позиций изучения компонентов институционального и профессионального дискурсов в ее практической, в частности, речемыслительной, деятельности, это комплекс стратегий или способов «манипулирования концептами» [7, с. 47]. Применительно к искусствоведческому дискурсу мы трактуем стратегии как совокупность правил восприятия искусствоведческих объектов и формирования знаний о них. Сам искусствоведческий дискурс определяет характер таких правил, которые, в свою очередь, имеют, прежде всего, ограничивающие и смысловоразличительные цели. Благодаря этому в искусствоведческое дискурсивное пространство не проникают и не закрепляются, например, тексты о покупке произведений живописи или прикладного искусства на аукционах разного масштаба.

Анализ языкового материала, проведенный в рамках изучения коммуникативно-прагматических характеристик профессиональной языковой личности, позволил выявить следующие коммуникативные стратегии, реализуемые ею в искусствоведческом дискурсе: стратегия авторитета; стратегия оценочности; стратегия деконструкции целого; стратегия «приоритетного восприятия»; стратегия ассоциативно-расширенного восприятия; стратегия высокого стиля; конкретно-объективирующая стратегия; стратегия моделирования ситуации восприятия.

Следующий фрагмент из книги Г.Ю. Стернина «Художественная жизнь России 30-40-х годов XIX века» репрезентирует комплексное применение различных коммуникативных стратегий, обеспечивающих прагматический потенциал искусствоведческого дискурса: «*Давно уже признано особое место творчества и педагогической системы А.Г. Венецианова в стремлении искусства поэтически интерпретировать пространство, находящееся внутри домашних стен. Часто вспоминают наставление мастера: «писать картину а la Натура».* Многие, взятые почти наугад «интерьеры», созданные кистью самого руководителя школы или его учеников – от К.А. Зеленцова до Г.В. Сороки – свидетельствуют о том, что Венецианов вовсе неспроста писал слово Натура с большой буквы. *Воспроизводить Натуру значило, в его глазах, не просто добросовестно постигать окружающую жизнь, но и уметь видеть в этой повседневности отблеск большого Мира.* Общие «натурфилософские» истоки *двух рядов перспективной живописи – пейзажной и интерьерной* – и с этой точки зрения просматриваются вполне отчетливо» [6, с. 129-130]. В приведенном макроконтексте организующей является стратегия оценки, позволяющая продуценту искусствоведческого дискурса убедительно продемонстрировать и возможности «приоритетного восприятия». Так, применяя различные конструкции, Г.Ю. Стернин оценивает факты культуры с позиций еще одной стратегии – стратегии авторитетности, не ссылаясь, тем не менее, на какие-либо конкретные работы в сфере изучения творчества знаменитого художника А.Г. Венецианова, но подкрепляя эту авторитетность именно фокусировкой на «поэтической интерпретации» интерьеров.

Такое построение искусствоведческого дискурса позволяет автору акцентировать внимание читателя на приоритетном восприятии конкретных особенностей не только творчества конкретного представителя русской живописи, но и показать, как наличие школы Венецианова, так и успешность его учеников (выделено в контексте курсивом). Безусловна также позиция профессиональной языковой личности искусствоведа, позволяющая провести анализ причин внимания А.Г. Венецианова к интерьерам: «*Воспроизводить Натуру значило, в его глазах, не просто добросовестно постигать окружающую жизнь, но и уметь видеть в этой повседневности отблеск большого Мира*». При этом определяющей становится коммуникативная стратегия деконструкции целого, выступающая в единстве со стратегией ассоциативно-расширенного восприятия. Важно также подчеркнуть, что Г.Ю. Стернин использует узко профессиональную лексику, которая создает эффект «сопричастности» адресата искусствоведению (*двух рядов перспективной живописи – пейзажной и интерьерной*), что в целом позволяет усилить прагматическое воздействие искусствоведческого дискурса.

Также интересен с позиций выяснения коммуникативно-прагматических характеристик профессиональной языковой личности в искусствоведческом дискурсе следующий макроконтекст: «В пределах той же изобразительной системы, той же молчаливой тройственной договоренности между издателем, художником и зрителем возникали и некоторые новые смысловые акценты. *Исследователи уже обращали внимание на то*, что среди видописи изучаемой поры значительно увеличивается число листов, изображающих церковные постройки, монастыри, святые места. *Добавлю*, что подобные новации касались не только печатной графики, и не только российских видов. С этой точки зрения листы дациаровской фирмы – еще одна иллюстрация *хорошо известных свойств* русской, в особенности московской, духовной жизни изучаемого времени: *душевный сдвиг, религиозно-философское пробуждение, порыв к православной вере*» [6, с. 152]. Г.Ю. Стернин опирается в приведенном фрагменте не только на коммуникативную стратегию авторитета (*Исследователи уже обращали внимание на то...*): он использует прагматический потенциал оценочности и субъективной модальности, которой выступают в органичном синтезе со стратегией высокого стиля. Например, субъективная модальность и оценочность объективирована в контексте вводным словом *добавлю*, а также атрибутивом *хорошо известных свойств*, при этом Г.Ю. Стернин обращается и к такой оценочной лексике, которая необходима для характеристики исторического периода (*душевный сдвиг, религиозно-философское пробуждение, порыв к православной вере*).

Особое место в дискурсе профессиональной языковой личности искусствоведа занимают такие коммуникативно-прагматические признаки, которые позволяют актуализировать тесное взаимодействие разных видов искусства при осмыслении живописного и графического творчества, например: «И все же, внутренними *скрепами композиций, стержнем их сюжетной драматургии*, как правило, оказывается литература, точнее говоря, те диалоги изображенных персонажей (а «разговор» между ними – почти неперенный *способ их представления* зрителю), которые даются в подписях под рисунками. Именно *эти тексты не только проясняют смысл происходящего, но и переводят масочно-водевильный, «игровой» характер сцен в план бытовых жизненных эпизодов. Сюита* листов на распространенную тогда тему купеческих и гостинодворских нравов – доказательство сказанному» [6, с. 155]. Г.Ю. Стернин демонстрирует широкую эрудицию, без которой нельзя представить профессионализм искусствоведа, применяя как терминологию (*скрепами композиции, стержнем их сюжетной драматургии, диалоги персонажей, способ представления*), так и принципы разнопланового анализа вербальных и визуальных текстов (*эти тексты не только проясняют смысл происходящего, но и переводят масочно-водевильный, «игровой» характер сцен в план бытовых жизненных эпизодов*). Интересно также применение в этой связи и терминологии музыковедения (*сюита*), которая органична в данном контексте и в совокупности с профессиональной терминологией литературоведения и искусствоведения включена в дискурсивное поле реализации комплекса стратегий «приоритетного восприятия» и моделируемой ситуации восприятия, а также конкретно-объективирующей стратегии.

В том же коммуникативно-прагматическом ключе решен и макроконтекст, представляющий анализ книжных иллюстраций как разновидности графики: «Иллюстрационную сюиту Агина и Бернадского тоже можно было бы назвать – «Как люди сидят». На это обратили внимание уже современники. Один из них, известный литературный критик Валериан Майков, посвятивший «ста рисункам» обстоятельную статью, специально отметил, что «особенно хорошо умеет художник посадить Чичикова вполоборота на кончике стула»». В самом деле, эта не раз повторяющаяся в рисунках чичиковская поза, в каждом случае обоснованная сюжетно и психологически, служит не только пластическим конденсатом образа, но и, если угодно, изобразительной метафорой многих жизненных ситуаций поэмы. В таком качестве предстает облик героя, например, в сцене разговора с губернаторской дочкой. Облаченная в неизменный фрак плотная, округлая фигура Чичикова, сидящего на кончике мягкого стула, выявляет характер человека, его увертливость, обходительность его манер. И вместе с тем весь пластический образ – это классическое «общее место», действительное «ни то, ни се», «человек во фраке», появления которого в искусстве так опасались некоторые сторонники прежней эстетики» [6, с. 170-171]. Отметим в этой связи, что коммуникативно-прагматические характеристики профессиональной языковой личности искусствоведа с необходимостью включают в анализируемом контексте профессиональную терминологию, субъективно-оценочную модальность, стратегии «приоритетного восприятия» и деконструкции целого, позволяющие наиболее емко и целостно представить факты культуры в фундаментальном искусствоведческом труде Г.Ю. Стернина как репрезентативном фрагменте искусствоведческого дискурса.

Выводы

На наш взгляд, оценочность и субъективная модальность, разноуровневые средства которых представлены в искусствоведческом дискурсе, свидетельствуют об антропоцентричности этого вида дискурса. И такой ракурс развертывания дискурсивных практик закономерен: искусство также ставит в центр своей картины мира человека, который является «мерой всех вещей». Безусловно, сама профессиональная языковая личность актуализирует те параметры, которые свойственны искусствоведческому дискурсу как «человекоразмерному» феномену: сам выбор коммуникативных стратегий, степени проявления авторской оценки и субъективной модальности применительно к оцениваемому факту культуры, языковые и речевые средства, организующие коммуникативный репертуар языковой личности, – все эти аспекты могут быть возведены к коммуникативной компетентности искусствоведа и его мотивациям в профессиональной деятельности.

Коммуникативно-прагматические характеристики профессиональной языковой личности искусствоведа включают активное применение терминологической лексики с целью активного воздействия на адресата искусствоведческого дискурса, включают разноуровневые средства субъективной модальности и оценочности высказываний, а также реализацию комплекса коммуникативных стратегий, приоритетных для искусствоведческого дискурса (стратегии авторитета, оценочности, деконструкции целого, «приоритетного восприятия, ассоциативно-расширенного восприятия, моделирования ситуации восприятия). Перспективным в заданном направлении изучения профессиональной языковой личности искусствоведа считаем определение наиболее эффективных путей и способов формирования коммуникативно-компетентного и мотивационного уровней ее структуры, а также выявление и описание коррелятивных связей жанров искусствоведческого дискурса и приоритетных коммуникативных стратегий, применяющихся в них. Такой вектор исследования закономерно позволит установить существующие профессиональной языковой личности искусствоведа параметры ее структуры в осуществлении успешной речемыслительной и практической деятельности.

Список источников

1. *Голев Н.Д.* Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. Барнаул – Кемерово: Изд-во БГПУ, 2006.
2. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
3. *Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Русский ассоциативный словарь. В 2-х т. М.: АСТ Астель, 2002, 2003. Т. I. 784. с.; Т. II. 992 с.
4. *Мыскин С.В.* Профессиональное языковое сознание и особенности его функционирования. Дисс. ... докт. филол. н.: 10.02.19. М., 2015. В 2 т. Т. 1.
5. *Нерознак В.П.* Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. МГЛУ. М.: МГЛУ, 1996. Вып. № 426.
6. *Стернин Г.Ю.* Художественная жизнь России 30-40-х годов XIX века. М.: Галарт, 2005.
7. *Фуко М.* Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.

References

1. *Golev N.D.* Linguopersonology: types of linguistic personalities and student-centered learning. Barnaul – Kemerovo: Publishing house of BSPU, 2006.
2. *Karaulov Yu.N.* Russian language and linguistic personality. M., 2010.
3. *Karaulov Yu.N., Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V., Sorokin Yu.A., Tarasov E.F.* Russian associative dictionary. In 2 vols. M.: AST Astel, 2002, 2003. Vol. I. 784. p.; Vol. II. 992 p.
4. *Myskin S.V.* Professional linguistic consciousness and features of its functioning. Thesis. M., 2015. In 2 vols. Vol. 1.
5. *Neroznak V.P.* Linguistic personology: to the definition of the status of the discipline // Language. Poetics. Translation. M., 1996. Issue 426.
6. *Sternin G.Yu.* Artistic life of Russia in the 30-40s of the XIX century. M., 2005.
7. *Foucault M.* Order of discourse // Foucault M. The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of different years. M., 1996.

Статья поступила в редакцию 14.02.2022; одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 05.03.2022.

The article was submitted 14.02.2022; approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 05.03.2022.